

Отечественная история

УДК 94"1914/1918"

DOI 10.37386/2413-4481-2021-2-73-79

В.О. Зверев

Омская академия МВД России, г. Омск, Россия

М.К. Алафьев

Омский университет путей сообщения, г. Омск, Россия

ВРАЖЕСКАЯ АГЕНТУРА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Авторы раскрывают агентурные основы деятельности разведывательных органов германской и австрийской армий на территориях Привислинского и Прибалтийского края, Волынской губернии в 1915–1916 гг. Анализируются некоторые тактические и психологические аспекты склонения к сотрудничеству на возмездной основе потенциальных агентов. Делается вывод о серьезной вербовочной работе, которую проводили германские и австрийские разведывательные органы и высоком уровне подготовки многих из их агентов.

Ключевые слова: агенты, шпионаж, германская армия, разведывательные отделения, вербовка.

V.O. Zverev

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia

M.K. Alafyev

Omsk State Transport University, Omsk, Russia

ENEMY AGENTS ON THE EASTERN FRONT OF THE FIRST WORLD WAR

Referring to documentary sources unfamiliar to narrow specialists, the authors reveal the undercover basis for the German and Austrian armies intelligence agencies' activities in the territories of the Vistula and Baltic regions, the Volyn province in 1915–1916. Some tactical and psychological aspects of persuading potential agents to cooperate on a reimbursable basis are analyzed. The conclusion is made about the serious recruiting work carried out by the German and Austrian intelligence agencies, and the high level of training of many of their agents.

Key words: agents, espionage, German army, intelligence units, recruitment.

По истечении более чем 100 лет со дня окончания Первой мировой войны исследовательский интерес к проблеме противостояния спецслужб на ее «невидимом фронте» так и не угас. На смену одним поколениям ученых приходят другие. В научный оборот вводится ранее неизвестный фактический материал, предлагаются смелые гипотезы, новые подходы и методы исследования, наряду с отечественными архивохранилищами изучаются соответствующие архивные фонды иностранных государств (Германия, Австрия, страны Балтии). Наблюдается уверенное поступательное движение по пути расширения объективного представления об истории отечественной разведки/контрразведки и иностранного шпионажа в Российской империи начала XX века.

Однако, порой передвигаясь «широкими шагами», некоторые специалисты, в угоду тем или иным соображениям, в том числе конъюнктур-

ного характера, углубленно погружаются в решение лишь узких научных проблем. Другие же из их числа, прежде всего «родственные проблемы», а также их ракурсы и даже грани остаются без должного внимания. К одному из проблемных вопросов, оказавшихся на «задворках истории» Первой мировой войны и требующих своего научного разрешения, можно отнести практику подготовки агентурных кадров усилиями разведотделений штабов передовых германских и австрийских частей на Восточном фронте и их заброски в «русский тыл».

При этом будет несправедливо не отметить то обстоятельство, что отдельные попытки заполнить образовавшуюся научную лауну в отечественной историографии все же предпринимались. А.С. Резанов был первым, кто обратил внимание общества, политиков и государственных деятелей царской России на системную «поста-

новку» шпионажа немцев-колонистов в Польше, Литве и на Волыни. Но современные историки (специалисты по истории российских спецслужб периода самодержавия) восприняли эти утверждения как бездоказательные. Стоит привести один лишь вывод-приговор целой этнической группе, необидительно прозвучавший из уст автора: «Подавляющее количество фактов свидетельствует о шпионстве в пользу нашего неприятеля “лояльнейшего” из населений российской империи – немцев-колонистов» [1, с. 227].

Избирательного и осторожного отношения заслуживают мемуары В. Николаи (глава германской разведывательной службы периода мировой войны), который всячески преуменьшал заслуги своих подчиненных в России (вероятно, пытаясь тем самым уберечь уцелевших после мировой войны агентов от разоблачения). Одним из косвенных подтверждений тому может быть следующее заключение: «При всех завязанных сношениях (с русскими офицерами – В.З., М.А.), дело лишь очень редко доходило до действительных услуг германской разведке, по большей части имелись лишь попытки надуть ее» [2, с. 31].

М. Ронге (бывший начальник австрийской разведслужбы), описывая разведывательную деятельность австрийцев против русской армии на Восточном фронте, также ограничивался лишь общими и неинформативными фразами об агентурных возможностях австрийской военной разведки [3].

На наш взгляд, более обстоятельным и реалистичным, в сравнении с вышеприведенными изданиями, выглядит труд К.К. Звонарева «Германская агентурная разведка». Во второй главе «Агентурная служба штабов фронтов и армий» в обобщенном виде раскрывается характер усилий немецкой агентуры, в том числе «на русской стороне» [4, с. 47–73]. Причем предлагаемые автором теоретические основания находят свое подтверждение в целом ряде документов военной поры, хранящихся в том числе в Российском государственном военно-историческом архиве.

Из современных ученых упомянем В.М. Гиленсена, который одним из первых предпринял попытку научного осмысления основ деятельности германской разведки в России [5]. А. Филюшкин, в свою очередь, обращался к обстоятельствам разоблачения в июне 1915 г. шпионов австрийской разведки в Одессе [6, с. 130]. Наконец, Б.А. Старков фрагментарно излагал некоторые формы, методы и результаты шпионской и шпионско-диверсионной работы противника на прифронтовых территориях Привислинского края (в том

числе эпизод неудавшегося покушения на царя) [7, с. 57, 71–73, 76–80].

Краткий историографический обзор показал, что названные специалисты, освещавшие историю германской и австрийской агентурной разведки в рассматриваемый период, интерпретировали ее по-разному и порой тенденциозно. Те же из исследователей, кто стремился быть объективным, не всегда располагали широкими документальными возможностями.

Сегодня в федеральных архивах России сосредоточены сотни дел, способных пролить свет на «закулисную историю» иностранного шпионажа на российском участке европейского театра военных действий. Между тем никто из историков так и не приступил к подробному изучению специфики, масштабов и результатов деятельности немецких и австрийских агентов, прежде всего в Варшавском генерал-губернаторстве, некоторых городах и местностях Прибалтийского края, Волынской губернии.

На страницах этой статьи, обратившись к уже имеющемуся теоретическому опыту и малоизвестным документам, мы предприняли попытку «перечитать русскую историю» немецкой и австрийской агентурной разведки в первые годы Первой мировой войны (главным образом, в отдельных прифронтовых районах Восточного фронта).

Как известно, организатором агентурной разведки против русской армии были разведотделения при штабах передовых частей германских и австрийских войск. Знакомство с многочисленными документами по линии борьбы с иностранным шпионажем позволяет нам утверждать, что разведорганов в прифронтовой полосе в период с 1915 по 1916 гг. насчитывалось свыше десятка. Немецкие располагались в Петрокове, Лодзи, Бендине (Петроковская губерния), Скерневицах (Варшавская губерния), Буске (Келецкая губерния) и других городах. Австрийские, к примеру, в Луцке (Волынская губерния).

На названных оккупированных территориях вдоль линии соприкосновения воюющих сторон противник вел активную вербовочную работу. Ее непосредственной организацией занимались начальники разведотделений и их помощники – так называемые полицейские агенты и вербовщики (штатная структура германских и австрийских разведотделений не всегда совпадала по численности). Последние комплектовались нижними военными чинами разведки, бывшими военнопленными русской армии (военнослужащие, самовольно покинувшие передовые позиции или сдавшиеся без сопротивления в бою /дезертиры/,

или плененные не по своей воле), а также «местными». Они разбирались в некоторых нюансах межэтнических отношений, многообразии культурно-исторических связей, особенностях жизни и менталитета пограничного населения (немцы, евреи, поляки, литовцы, эстонцы, русские и др.), причинах и степени его персональной или массовой политической нелояльности к русскому самодержавию. Некоторые из вербовщиков неславянского происхождения владели разговорным русским и польским языками. Бывшие военнопленные (в их числе находились и «перебежчики»), как правило, разбирались в военном деле и вопросах построения военной службы. Были и те, кто отличался хорошей интуицией и пониманием «обывательской психологии». Имевшиеся знания, умения и навыки из этой сферы порой позволяли тонко и безошибочно «угадывать» настроения, отношения и потребности потенциальных агентов, учитывать присущие этой категории пороки и, в первую очередь, алчность. Именно непомерное стремление к наживе (т. е. корыстный мотив) широко использовалось при вербовке.

Как видно из письма начальника варшавского губернского жандармского управления помощнику варшавского генерал-губернатора по полицейской части от 27 ноября 1914 г. № 2334, немцы «не жалели денег на подкуп местных жителей, склоняя их к доставлению сведений, касающихся расположения и численности русских войск» [8, л. 189]. Австрийские офицеры-вербовщики тоже, как свидетельствовали отдельные архивные материалы, «буквально засыпали деньгами» наиболее пригодных для выполнения особых поручений лиц [9, л. 912].

И тем не менее после анализа ряда показаний задержанных немецких и австрийских шпионов нами был сделан вывод о том, что согласившихся на сотрудничество с врагом русскоподданных (немцы, евреи, поляки, эстонцы, латыши, литовцы, русские и др.) «засыпали» скорее не деньгами, а обещаниями о предстоящей «безбедной жизни». Первоначальные суммы, которые выдавали «на руки» (точнее, на текущие расходы), редко когда превышали 50–100 руб. Но и эти деньги, а также надежды на будущие вознаграждения и легкость их получения, выглядели очень привлекательно в атмосфере нищеты, голода, разрухи, разорения и смерти, царивших на оккупированных территориях (в непосредственной близости к фронту).

Помимо материальной стороны во время вербовки существенную роль играла индивидуально-психологическая обработка. То, как искусно склоняли к предательству русских военнопленных,

видно, например, в показаниях задержанного и сознавшегося в шпионаже мешанина г. Люблина Вацлава Горайского. В ходе допроса выпускник ковельской разведшколы вспоминал: «Пленных допрашивают очень любезно, особенно офицеров и желая узнать военные тайны, заводят разговоры о войне, угощают чаем и выпивкой... Обещают назначить после войны на хорошие должности... Посылая на разведку, говорят, что при отказе, все равно будут высланы вглубь Австрии на самые тяжелые работы... Если кто-нибудь в России сознается, что он австрийский шпион, то после войны специальные агенты его обнаружат и повесят. Завербованных разведчиков стараются держать отдельно друг от друга» [9, л. 912].

Из этого фрагмента следует, что психология вербовки (вербовочной беседы) была схематичной и предусматривала основную фазу – вступление с потенциальным агентом в доверительный контакт (взаимное оценивание → обоюдная заинтересованность → обособление в диаду). Благоприятное впечатление, которое мог произвести опытный вербовщик, дополненное предложением «выпить и закусить», нередко располагало его собеседника к искренней беседе. При этом обстановка «дружеского антуража» предполагала не столько выведывание военных сведений или военных секретов, сколько их изложение в форме непринужденного рассказа. На следующий день протекала заключительная фаза вербовки – документирование достигнутых договоренностей (согласие сотрудничать). От этой формальной процедуры отказываться было бессмысленно, так как фактическая измена Родине уже состоялась (в момент передачи допрашиваемым лицом конкретных данных о боеспособности русских войск).

В том случае, если изменнические настроения не удавалось вызвать немедленно или вероятный объект вербовки не вселял должной уверенности в своей надежности, агентурист использовал прием запугивания. Страх за собственную жизнь, вызванный разговорами о бесчеловечных условиях содержания в концентрационных лагерях или неминуемой физической расправе, предположим, в случае «двойной игры», лишал отдельных нижних чинов и офицеров последних моральных сил и подвигал к предательству.

Завербованных таким образом военнопленных проводили через дальние немецкие или австрийские кордоны и переправляли за линию фронта. «Чужие среди своих» находились под вымышленным прикрытием. Помимо оперативного гардероба (форменное обмундирование нижних или офицерских чинов русской армии), индивидуальных

предметов сокрытия внешности (парики, накладные усы и т. п.), легенд, подложных документов были и другие его составляющие. Каждый из агентов имел пропуск (для беспрепятственного прохода через передовые немецкие или австрийские позиции). В одних случаях такие документы писались «на чистой стороне рекламной папиросной бумаги, находящейся в коробках папирос “Ява”» [10, л. 1]. В других – письменные пропуска хранились в мундштуках от папирос [11, л. 5].

Если же соответствующий пропуск был утрачен или не предполагался, шпионы использовали условные слова, буквы, знаки. Так, паролем для безопасного прохода через немецкое расположение, допустим, в окрестностях г. Вильно были буквы «О.К.» [9, л. 217], в районе Лодзи – знак «0/156 и 145» либо «дробь, числитель которой латинская буква, а знаменатель – цифра» [12, л. 9, 16]. Австрийские агенты, будучи в «русском тылу», в качестве средства самоидентификации предъявляли друг другу золотые монеты [13, л. 74]. Сохранились также сведения об использовании однотипных условных знаков агентами обеих вражеских разведок (на одном из участков Восточного фронта у задержанных изымались монеты достоинством в «20 галлеров с двумя дырочками» [14, л. 127]).

Непостоянный или обновляющийся перечень конспиративных правил – приемы засекречивания и хранения пропусков, условные знаки и пр., – имевшихся в оперативном пользовании агентуры, говорил об обстоятельности и неформальности подходов к организации агентурного дела офицерами германской и австрийской разведок. А выявленный пример «конспиративного единообразия» (в данном случае однотипные условные знаки) в работе агентуры союзнических спецслужб косвенно указывал не только на факт их тесного сотрудничества, но и свидетельствовал об общности взглядов на тактические вопросы ведения разведки.

Соблюдение строгих правил конспирации в условиях активных боевых действий, циркуляции панических настроений среди мирного населения прифронтовых районов и не прекращавшихся потоков беженцев позволяло надеяться на успешность в действиях агентов. Их ориентировали, к примеру, на сбор информации о судах Ревельского порта, вновь открывающихся заводах по изготовлению снарядов [9, л. 310]. Противника интересовали данные о том, «какие и где находятся штабы, кто начальники, сколько латышских батальонов, номера их, сколько человек в каждом батальоне, как укреплен Рига, много ли орудий и каких и т. п.» [15, л. 113].

Кроме решения «сугубо шпионских задач», агентам предлагалось уничтожать телефонные и телеграфные линии [15, л. 114, 384], решать более сложные задачи диверсионного характера. Так, 2 сентября 1915 г. в Ровно были арестованы пять человек (из них четверо бывших военнопленных солдат русской армии). Они имели поручение от австрийского разведывательного отделения, находящегося в Луцке, взорвать железнодорожные мосты через реки Гусь и Шестовка. Все арестованные были одеты в русскую военную форму при полном снаряжении и вооружении. В ходе досмотра у них были изъяты взрывное устройство, карта местности, хлороформ для усыпления часовых и один пуд динамита [9, л. 73].

Однако, как видно из рассекреченных документов по истории ведущих разведок Европы, к выполнению особо важных и опасных заданий не всегда привлекались только агенты-мужчины, например предатели из числа российских военнопленных. Неоспоримым является тот факт, что легче и чаще всего эффективнее проводили разведку агенты-женщины (особенно проститутки). Пользуясь своей внешней привлекательностью и артистичностью, а нередко и коварством, они знакомились в ресторанах с офицерами-фронтовиками (предполагаемыми секретносителями). После чего, устраивая на своих квартирах «кутежи и попойки», узнавали у них «все то, что им было предписано узнать» [15, л. 429].

Информация о привлечении проституток к шпионажу, взятая нами из документа под названием «Краткие сведения о германском и австрийском шпионаже в России и борьба с ним», подтверждается и заключениями штаб-офицера при заведующем военно-судной частью штаба главнокомандующего армиями Северного фронта полковника А.С. Резанова. По итогам своей служебной командировки в Ригу (ноябрь 1915 г.) он писал: «Среди обширной переписки, найденной мной в квартирах проституток, встречались указания мест нахождения воинских частей, сообщались предполагаемые перемещения, происшедшие перемены в личном составе и т. д. Все это в совокупности давало точные сведения о рижском гарнизоне» [16, л. 41].

По своему смыслу эта выдержка из отчета переключается с содержанием рапорта секретного сотрудника контрразведки «Проводника». Он обращал внимание на осведомленность «обитательниц» одного из «рижских притонов» (г. Рига, ул. Большая Невская, 12), побывавших на прибалтийском театре военных действий (в так называемом «офицерском обозе»). Проститутки имели

представление «о положении отдельных частей и полков, в частности о 12-й дивизии и отдельных штабах... Великолепно известны им все фамилии начальников Сибирских полков...» [17, л. 9].

Вражеские разведки, как показывают документальные свидетельства, использовали проституток не только в целях осведомления, но и для совершения террористических актов. По данным контрразведки, в феврале 1915 г. высланным из Лодзи двум женщинам 17 и 19 лет (их имена «Ванда» и «Лея») было предложено выяснить местонахождение штаба 3-й армии Юго-Западного фронта и убить генерала от инфантерии Н.В. Рузского путем «бомбометания» [12, л. 19].

Кроме военнопленных и проституток, германская и австрийская разведки прибегали к услугам лиц преклонного возраста [8, л. 189], подростков [9, л. 615], душевнобольных людей [18, л. 1, 4] и тех, кому было предложено «в случае задержания претворяться сумасшедшими» [15, л. 61]. К агентурной работе также привлекались люди различных профессий – конторщики, лесники, учителя, продавцы газет, священники, адвокаты, артисты и другие профессиональные и социальные категории, проживавшие как на оккупированных, так и еще не на завоеванных территориях Привислинского, частично Прибалтийского края.

Собранные агентами сведения о боеспособности воевавших или тыловых частей русской армии, кораблей флота, фортификационных сооружений, а также данные о военно-промышленных и других объектах военного назначения немедленно переправлялись немцам или австрийцам (в зависимости от принадлежности агента к одной из вражеских разведок). Способы тайной пересылки разведдонесений были разными. В архивах сохранились упоминания о том, как одни шпионы, к примеру, пользовались «открытыми почтовыми карточками». Две такие карточки разными сторонами склеивались воедино (причем внутренняя часть имела секретное рукописное содержание). Затем наружная сторона карточки заполнялась соответствующим адресом и текстом «обыкновенно неприступного содержания» [15, л. 63].

В обстановке, не терпящей промедления, агенты предпочитали записывать похищенные военные секреты «на своем нижнем белье» [19, л. 28]. Известны и такие случаи, когда результаты разведывательных мероприятий «отмечались на клочках бумаги и зашивались в одежду» [11, л. 5] или прятались в голенища сапог [10, л. 606]. Наконец, как следует из уведомления начальника контрразведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Северного фронта от 13 сентября

1916 г., вражеских агентов учили «записывать увиденное на клочке папиросной бумаги, которую затем прятали в ухо» [9, л. 810-811].

В отличие от перечисленных приемов, когда подозрительное почтовое сообщение могла выявить военная цензура или сам агент мог быть задержан и изобличен в причастности к шпионажу, были и менее рискованные варианты. Так, германские шпионы, действовавшие в местностях близ р. Неман, отправляли свои донесения в пустых бутылках. Бутылки бросали в реку и вниз по течению, в местах расположения немецких войск, их забирали сотрудники разведки [20, л. 286, 467].

Проанализировав содержание данной статьи, авторы пришли к ряду выводов. Во-первых, история разведывательной деятельности (германский и австрийский шпионаж в Российской империи периода Первой мировой войны) – это сложный по своей глубине, неоднозначный и до конца не изученный объемный «пласт» специального военно-исторического знания. Его же квинтэссенцией или «тончайшей материей» являются вопросы «постановки» агентурной работы на различных участках Восточного фронта и прифронтовой полосы (в разное время – районы Варшавского генерал-губернаторства, Курляндской губернии, частично Лифляндской губернии и Волынской губернии).

Обращаясь к исследованию многоаспектной природы «агентурной угрозы» интересам собственной безопасности действующих частей русских армий, а также объектам индустриальной и транспортной инфраструктуры западноевропейской части России, только немногие историки смогли разглядеть «очевидное в невероятном» (практику функционирования секретных разведшкол противника на территории Российской империи, факты широкого распространения феномена предательства близ западных рубежей ее обороны, попытка организации покушения на жизнь Николая II посредством диверсионной атаки и др.). Значительный же массив теоретических представлений о специфике деятельности вражеской агентуры, скрытый «между строк» в жандармской и контрразведывательной переписке, так и остался за пределами исторической науки.

Во-вторых, деликатное обращение с документальной хроникой, непредвзятая интерпретация отдельных ее событий, а главное, учет места и роли субъективного фактора в искусстве шпионажа позволили «набросать штрихи» к портрету вербовщика. Выделенные деловые качества в его собирательном образе допускают утверждение о том, что начальники разведотделений подходили очень

избирательно и скрупулезно к выбору своих ближайших помощников – будущих организаторов непосредственной вербовки. Во внимание брался разнообразный по своему содержанию и характеру *thesaurus* кандидатов. Осмысление уровня их умственных способностей и профессионального опыта в известной степени влияло на профилизацию предстоящей работы. Одни вербовщики могли специализироваться на подборе и вербовке агентов, например, с опорой на их индивидуально-психологические особенности, политические взгляды, личные обиды и желание отомстить. Другим предлагалось обучать агентов основам маскировки, диверсионного дела или «премудростям» подделки документов, печатей и т. д.

В-третьих, несмотря на предсказуемый и в определенной степени упрощенный (схематичный) характер вербовочной беседы, в большинстве своем ее тактика отличалась явно выраженной персонифицированностью подходов. В одних случаях предполагаемых кандидатов склоняли к сотрудничеству «прямолинейно», оказывая на них явное и интенсивное психологическое давление. Допустим, дезертиров или другие категории военнопленных шантажировали компрометирующими материалами (протоколы допросов или объяснения, где излагались мотивы инициативного перехода российского солдата или офицера на сторону противника; соответствующие тексты нередко составлялись и подписывались собственноручно задержанными). Причем документы, подтверждавшие факт нарушения воинской присяги, а позже и добровольного согласия конкретного военнопленного содействовать иностранной разведке, становились надежной гарантией его долговременной и зачастую результативной шпионской (диверсионной) работы против интересов военной безопасности Российской империи.

В других случаях вербовщики действовали более изящно, «делая ставку» на пограничное чувство национальной самоидентичности. Полякам напоминали об «отнятой» у них Родине, возбуждая тем самым «истинные» патриотические настроения и порыв вернуть независимость от русского господства путем активного сопротивления. Наконец, к еврейскому населению вербовщики проявляли особую заинтересованность. Вероятно, в ее основу была положена осведомленность о «размытых» представлениях части польского еврейства о своей новой Родине – России. Навряд ли себя могло отождествлять с ней множество из тех, кто первоначально был «не принят» русским политическим режимом и обществом, а впоследствии отвергнут и выселен за пресловутую «чер-

ту оседлости». Немецкие разведчики находили благоприятные предпосылки для будущего сотрудничества и в примерах предупредительного и гостеприимного отношения ломжинских, варшавских и плоцких иудеев к передовым отрядам германской армии. «Тевтонских рыцарей» нередко встречали как «цивилизаторов» и освободителей – «с хлебом и солью».

Названные проявления персонального подхода в вербовочной беседе неизменно сопровождались одинаковой материальной подоплекой – вербуемых лиц соблазняли денежными гонорарами. Их величина зависела от прогнозируемой ценности агента и сложности возлагаемых на него обязательств.

В-четвертых, судя по характеру и масштабам «шпионских задач», их исполнители условно подразделялись на две категории. Одни (и их было большинство) вели визуальную разведку, в первую очередь осуществляя наблюдение за местами дислокации и перемещения русских вооруженных сил. Для этого требовалась грамотность, хорошая физическая подготовка и элементарные навыки наблюдательности, запоминания, коммуникации (установление психологического контакта, преодоление барьеров в общении и др.), актерского мастерства. Другие агенты (порой их называли «штучным материалом») при выполнении особых разведывательных, реже диверсионных заданий вряд ли могли надеяться лишь на свои природные качества (их неполный перечень мы отразили выше). В расчет принимался, прежде всего, умственный потенциал. Оперативность, гибкость и широта мышления, дополненные высокой образованностью (речь идет о военном образовании и опыте), хорошим кругозором, отменными манерами и внешней представительностью, могли «распахнуть» перед агентом любые «двери».

Единственной характеристикой, «усредняющей» упомянутые категории шпионов и ставившей тех и других в один ряд, было инстинктивное ощущение страха перед «своими» (в случае невыполнения поставленного задания) и «чужими» (в случае разоблачения и ареста). Полагаем, нередко именно сильное душевное волнение и обусловленное им нервное поведение агентов в ситуациях опасности или неизбежного риска могли стать одной из причин неминуемых «провалов» и возможной перевербовки.

В-пятых, особое место в реализации своих разведывательных планов противник отводил проституткам. Их профессия была не только «одной из древнейших», но и самой «популярной» и «востребованной» в европейской части России,

особенно в ее крупных административных, промышленных и военных центрах, портовых городах и железнодорожных узлах. Многие из работавших в домах терпимости и других «злочных местах» «девиц легкого поведения», ранее уже сделавших порицаемый общественной моралью профессиональный выбор, готовы были и далее пренебрегать моральными постулатами.

Однако лишь к немногим из «падших женщин» резиденты германской и австрийской разведок проявляли пристальный служебный интерес. Тех из них, кто за денежное вознаграждение торговал не только своим телом, но и был потенциально способен продать интересы своей Родины, вербовали. Некоторые русские «*Mata Hari*» обладали харизмой, отличались достаточными ум-

ственными и разведывательными способностями (определяли потенциальных носителей военных секретов; умели выделять главные смыслы или приоритетные направления; обладали способностью выведывать военные сведения, не навлекая на себя подозрение).

В целом в первые годы Первой мировой войны разведывательные аппараты наступающих частей германской и австрийской армий, воевавших на Восточном фронте, сумели организовать быструю и квалифицированную подготовку агентов. Своими порой небезуспешными действиями они приковывали к себе значительные силы и средства русских военных и жандармско-полицейских спецслужб, ослабляя, возможно, и «оголяя», другие направления их деятельности.

Библиографический список

1. Резанов А. С. Немецкое шпионство (книга составлена по данным судебной практики и другим источникам). Пг., 1915. 336 с.
2. Николай В. Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. М., 1925. 141 с.
3. Ронге М. Война и индустрия шпионажа. М., 2000. 288 с.
4. Звонарев К. К. Германская агентурная разведка: в 2 т. Т. 2. IV упр. РККА, 1931. 163 с.
5. Гиленсен В. М. Германская военная разведка против России (1871–1917 гг.) // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 14–25.
6. Филюшкин А. Высылать по подозрению. Юдофобия и борьба со шпионажем // Родина. 2002. № 4–5. С. 127–130.
7. Старков Б. А. Охотники на шпионов – 2. Пасынки Великой войны. Контрразведка последней войны Российской империи. 1914–1917. СПб., 2007. 438 с.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 265. Оп. 1. Ед. хр. 1527.
9. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2031. Оп. 4. Ед. хр. 45.
10. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Ед. хр. 175.
11. ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 929.
12. ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 147.
13. ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Ед. хр. 1525.
14. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Ед. хр. 5.
15. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Ед. хр. 331.
16. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Ед. хр. 131.
17. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Ед. хр. 542.
18. ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Ед. хр. 1210.
19. ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 145.
20. ГАРФ. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 178.